

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Несин М.А.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43/44

УДК 94(47).04=161.1(045)"0/2"(470+571)

Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В. изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»

Ключевые слова: XV век, Великое Московское княжество, Великий Новгород, ориентализация, тактика, доспехи, татары, лучный бой, сражения, Иван III, Василий II, Шелонская битва, Коростынское сражение, сражение под Русой, Д.Д. Холмский.

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт - Петербургского государственного университета по специальности историк. В 2015 г. закончил аспирантуру Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. В настоящее время работает м.н.с. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая топография. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Рабинович М.Г. Вооружение новгородского войска // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. — М., — 1946. — № 5.

Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская Археология. — 1959. — № 2.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. — Л., 1976.

Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. — Л., 1991.

Несин М.А. Новгородские житыи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 247-309. <http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8> (08.06.2016).

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Комаров О.В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально—политических институтов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 362-389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

Ледовое побоище 1242 года: труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. — М.; Л., 1966.

Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К. Тактические приемы монголов XIII в. и их эволюция в военном искусстве народов Великой степи XIV-XIX вв. — Новосибирск, 2016.

Пенской В.В. От лука к мушкету: вооруженные силы Российского Государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития. — Белогород, 2008.

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Воин. — 2008. — № 6.

Иванов А.М. Поиски места Шелонской битвы (2008-2012 годы) // Новгород и Новгородская Земля: история и археология: материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б.А. Колчина. Великий Новгород, 28-30 января, 2014 г. — В. Новгород, 2014. — Вып. № 28.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). — М., 1982.

Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР) — М.; Л., 1963. — № 5.

Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 291-325 <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Филюшкин А.И. Василий III. — М., 2010.

Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV—начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 134-166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008.

Несин М.А. Купечество вечевого Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — Великий Новгород, 2012. — Вып. 11.

Несин М.А. Новгород 1470-х гг.: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика. 2010. — В. Новгород, 2011. — Ч. 1.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В. изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Nesin M. Response to A. Bykov's critical reply "On O. Schindler's article on 'Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century'" and on O. Schindler's article proper "Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century"

Keywords: fifteenth century; Grand Duchy of Muscovy, Novgorod Republic; orientalism; tactics; arms and armor; Tartars; archer skirmishing; Tsar Ivan III, Tsar Basil II; the Battle of Shelon.

Author: Mikhail Nesin is a graduate of the St.-Petersburg State University (class 2009); since 2015 he holds doctoral degree from the Novgorod State University. He is currently working at the Museum of Field Artillery, Army Engineers and Signal Troops' History. His major interest is in the medieval military history of the Russian state petergof-history@yandex.ru

References:

Bykov A. Response to O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Schindler O.V. The modification of fashion: Russian armor in the second half of XVth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. I. — P. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Rabinovich M.G. Vooruzhenie novgorodskogo vojska [The armament of the troops of Novgorod] // Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija istorii i filosofii. — M., — 1946. — № 5.

Medvedev A.F. K istorii plastinchatogo dospeha na Rusi [The history of plate armor in Russia] // Sovetskaja Arheologija. — 1959. — № 2.

Nesin M. Novgorod Republic's petty nobles (zit'i) of the XVI century and their role in the city's military affairs and domestic politics. Part I: from the end of the XV century toward 1471 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 247-309. <http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8> (08.06.2016).

Nesin M.A. Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Russia battle] [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Alekseev Ju. G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The campaigns of the Russian army under Ivan III]. — SPb., 2009.

Nesin M.A. Shelonskaja bitva 14 ijulja 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskih vojsk i uchastii zasadnoj tatarskoj rati [Shelon battle] [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — P. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Komarov O. From "free servants" toward the "state serfs" [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 362-389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

Bobrov L.A., Kushkumbaev A.K. Takticheskie priemy mongolov XIII v. i ih jevoljucija v voennom iskusstve narodov Velikoj stepi XIV-XIX vv. [Tactics of the Mongols of the XIII century and their evolution in military art of peoples of the great steppe of the XIV-XIX centuries] — Novosibirsk, 2016.

Nesin M.A. Military governor (voivode) Fedor Vasil'evich Basenok [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 96-173.

<http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Seliverstov D.A. Russkij Azenkur [The Russian Agincourt] // Voin. — 2008. — № 6.

Ivanov A.M. Poiski mesta Shelonskoj bitvy (2008-2012 gody) [Looking for a place Shelonsky battle (2008-2012)] // Novgorod i Novgorodskaja Zemlja: istorija i arheologija: materialy nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 100-letiju so dnja rozhdenija B.A. Kolchina. Velikij Novgorod, 28-30 janvarja, 2014 g. — V. Novgorod, 2014. — Vyp. № 28.

Nesin M. A thousand-man Chief Feodor Eliseevich – one of the Novgorod’s war-lords during the 1435/36 Rzhev winter campaign as a leading character of the Novgorod’s foreign policy and troop’s organizer in the XV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Filjushkin A.I. Vasilij III. — M., 2010.

Nesin M. Response to Vitaly B. Penskoj’s article “... They have made provisions for the entire winter, till the spring has come” on logistics of the Russian State, from the XV to the early XVI century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 134-166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

Kuz'mina O.V. Respublika Svjatoj Sofii [The Republic Of Saint Sophia]. — M., 2008.

Nesin M.A. Kupechestvo vechevogo Novgoroda XII-XV vv. po dannym pis'mennyh istochnikov [The merchant Veche of Novgorod in XII-XV centuries according to written sources] // Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problemy sohraneniya i nauchnogo ispol'zovanija. — Velikij Novgorod, 2012. — Vyp. 11.

Nesin M.A. Novgorod 1470-h gg.: sootnoshenie vneshnepoliticheskikh iskanij s predannost'ju rodnoj «starine» [Novgorod in 1470-ies: the ratio of the foreign policy aspirations with a dedication to his "old days"] // Novgorodika. 2010. — V. Novgorod, 2011. — Ch. 1.

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9

Reference:

Nesin M. Response to A. Bykov’s critical reply “On O. Schindler’s article on ‘Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century’ ”and on O. Schindler’s article proper “Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

М. А. Несин

ОТВЕТ

на замечания Быкова А. В.,
изложенные в статье
«Отзыв на статью О. В. Шиндлера
„Смена доспешной моды на Руси
во второй половине XV в.“»

и отзыв на статью Шиндлера О. В.
«Смена доспешной моды на Руси
во второй половине XV в.»»

К сожалению, источниковая база и ее наполнение таковы, что нам очень сложно проследить эволюцию московских доспехов в XV в. В этой связи неудивительно, что предложенная О.В. Шиндлером периодизация этого процесса, основанная в значительной степени на косвенных летописных данных, вызвала полемические замечания А.В. Быкова¹. На мой взгляд, вопрос о темпах смены типов доспехов в служилом войске Московского княжества XV в. не может быть решен окончательно за недостатком письменных и археологических данных.

Вместе с тем, некоторые положения и выводы А.В. Быкова о развитии военного дела в Московском княжестве, проблеме «ориентализации» и социальной организации московского войска, а также о новгородско-московских войнах второй половины XV в. мне представляются дискуссионными и отчасти основанными на неудачной интерпретации источников.

К вопросу об эволюции состава московского войска и военного дела в Московском княжестве в XV в.

Нетрудно заметить, что А.В. Быков принципиально расходится с О.В. Шиндлером не только в периодизации смены доспехов, но и в характеристике «ориентализации» московского войска, а также в закономерностях эволюции тактики в XV в.

С точки зрения О.В. Шиндлера, смена *«доспешной моды»* в Московском княжестве стала происходить *«...примерно начиная с середины XV века»*, после того как в 1445 г. москвичи потерпели поражение в битве под Суздалем от средневожских татар во главе с сыновьями Улу-Мухаммеда Махмудом и Ягупом. Исследователь опирается на мои наблюдения, что от своих противников москвичи позаимствовали новую маневренную тактику, которую блестяще применили в 1456 и 1471 гг. в сражениях с новгородцами под г. Русой и на р. Шелони. Тогда же, после поражения под Суздалем, по мнению О.В. Шиндлера, москвичи стали изготавливать доспехи по восточному образцу².

Вместе с тем, согласно предположению ученого, москвичи окончательно перешли на доспехи нового типа лишь во времена Первой Казани 1467–1469 гг., а точнее, между 1468 и 1469 гг.

По словам О.В. Шиндлера, *«...согласно Львовской летописи, в одном из сражений 1468 г.»*, москвичи метали с себя доспехи. Исследователь сослался на мнение М.Г. Рабиновича, А.Ф. Медведева и А.Н. Кирпичникова³: кольчатый доспех просто так не сбросить, его можно скинуть лишь в том случае, если он крепится на ремешках и завязках⁴. В то же время поход на Казань 1469 г. увенчался успехом для русских войск, исходя из чего у автора *«...возникла гипотеза, а не связан ли он с нововведениями в военном деле?»*

Должен заметить, что последнее предположение О.В. Шиндлера весьма уязвимо для критики, поскольку москвичи «метаху» доспехи вовсе не в сражении. К тому же данный эпизод имел место не в 1468, а в 1467 г. Пройдя по указанной автором ссылке на Львовскую летопись, мы увидим описание возвращения русских войск из осеннего похода на Казань в Филиппов пост 6976 г. (1467). Притом в данном позднем источнике оно дословно заимствовано из московских великокняжеских сводов XV столетия, поэтому далее я ссылаюсь на свод 1472 г., где оно приведено впервые.

Согласно этому источнику, великокняжеские воины сбрасывали доспехи именно на обратном пути из-под Казани в Московское княжество. Но, скорее всего, не с себя, а с воза, или с коня, так как везти их теперь было не на чем, ведь тот же источник отмечает, что кони у них на обратном пути мерли⁵. И это вполне похоже на правду, поскольку лошадь не может кормиться одной осенней травой, и, соответственно, из-за случившегося в том году недорода пропитания не стало хватать не только людям, но и коням. Типографская летопись уточняет, что коней (очевидно, оставшихся в живых), с голоду ели сами воины⁶.

Таким образом, у нас нет никаких данных о типе доспехов московских воинов в 1467, а тем более в 1468 г. Ведь если их сбрасывали с коней или с возов, а не с себя, то они могли быть и кольчатыми, и пластинчатыми, и какими угодно.

В отличие от О. В. Шиндлера, А. В. Быков полагает, что смена типов доспехов происходила постепенно и не могла свершиться за один-два года или несколько лет, процесс по определению должен был занимать десятилетия⁷. С точки зрения ученого, в основном он пришелся на конец XV в. (вслед за образованием поместной системы)⁸. Исследователь критикует и такое выражение О. В. Шиндлера, как «*доспешная мода*», мотивируя это тем, что доспех — «*материя косная*»⁹. По утверждению А. В. Быкова, в московском войске до конца XV в. кроме профессиональных служилых воинов заметную роль играли ополченцы, но с конца XV в. процент служилых людей увеличивается, что заметно сказывается на распространении доспехов нового типа на кольчужной основе: «*Роль городских и сельских ополчений с появлением поместной конницы в Московском государстве постепенно сходит на нет. Появившийся слой поместных дворян, в отличии от ополченцев, участвует в военных действиях не эпизодически, а регулярно, по несколько месяцев в году, практически ежегодно. Другой режим участия в военных действиях ведет к росту профессионализма воинов и в том числе к изменению их требований к доспеху*»¹⁰.

Появление доспехов нового типа у московских воинов исследователь связывает не с ориентализацией по образцу средневожских татар, а с профессионализацией московского войска¹¹.

И наконец, тактику великокняжеских войск в сражениях с новгородцами под Русой и на Шелони исследователь считает не уникальной.

К подобным маневрам, по его мнению, и русские и монголы прибегали и в прежние века¹².

Однако мне с данными положениями А. В. Быкова согласиться сложно. Например, с его утверждением, что смена типов доспехов в одном из древнерусских государств непременно должна была занять десятилетия. Ведь как показывает опыт облачения новгородцев в 1456 г. в тяжелые доспехи, изготовленные по иноземному образцу, смена их типов в Средние века могла происходить быстро. Согласно великокняжескому летописанию, в сражении под Русой на новгородских воинах были столь «крепкие» доспехи, что московские «вои» стали вести лучный бой по коням, а не по всадникам¹³. Причем так экипированы были новгородцы разного социального статуса: новгородский хронист среди участников и жертв данной битвы отмечал как бояр, так и «молодых» людей¹⁴. По мнению исследователей, новгородцы были одеты в изготовленные по европейскому образцу тяжелые доспехи, которые москвичи не смогли пробить стрелами, также они пользовались уникальными «долгими копьями», тоже сделанными по европейской традиции¹⁵. Этими копьями, будучи сбитыми с коня, новгородцы орудовать не смогли (как писал московский хронист¹⁶, это было связано с их ратным неумением, однако в действительности сей факт нельзя ни доказать, ни опровергнуть, поскольку длинные копья сами по себе были хороши именно для конного боя, но неудобны, когда всадник теряет коня). Правда, по мнению А. В. Быкова, в том бою новгородцы были снаряжены обыкновенным образом. Автор сослался на отсутствие в Новгороде археологических находок фрагментов доспехов западноевропейского образца, датированных серединой XV в.¹⁷

Впрочем, число находок деталей каких бы то ни было новгородских доспехов того времени столь ничтожно, что на их основе делать выводы о наличии или отсутствии в Новгороде того периода каких-либо типов доспехов совершенно непродуктивно. Ведь если при реконструкции новгородских доспехов третьей четверти XV в. пользоваться исключительно материалами археологических изысканий на территории средневекового Новгорода, то можно прийти к заключению, что новгородцы в этот период вовсе ни с кем не воевали. Ни со шведами, ни с москвичами. По-видимому, новгородцы в XV в. обычно пользовались иными копьями и носили другие доспехи, нежели в том

сражении. Во всяком случае, 15 лет спустя после сражения под Русой в Шелонской битве москвичи стреляли уже по новгородским воинам, а не только по лошадям, а когда под новгородцами забились подбитые кони, то никакого конфуза с длинными копьями они уже не испытали, иначе бы московский хронист, отмечавший воинскую необученность многих новгородцев — мол на коня никогда прежде не садились — не преминул бы это запечатлеть. А значит, новгородцы орудовали обычными копьями, которыми могли разить снизу.

В том же году в сражении на р. Северной Двине князь В. В. Гребенка-Шуйский, несомненно, облаченный в доспех, был ранен стрелой¹⁸, и не то сам вышел из боя, не то был вынесен. Может быть, конечно, стрела попала в членение доспеха, а не пробила его насквозь. Но нетрудно заметить, что в обоих баталиях 1471 г., в отличие от сражения под Русой, великокняжеские рати стреляли в самих новгородцев, и небезуспешно. Думается, если в 1456 г. новгородцы смогли массово перевооружиться и облачиться в нетипичные доспехи, то и москвичи теоретически тоже могли достаточно быстро приобрести доспехи нового типа.

Кроме того, в опровержение А. В. Быкову, отмечу, что московское войско стало состоять преимущественно из служилых людей не в конце XV века, а значительно раньше.

Еще в конце XIV столетия московские ополченцы считались неотъемлемыми участниками войн. Хорошо известно, что в 1389 г. великий князь Московский Дмитрий Донской в договоре с Владимиром Андреевичем Серпуховским постановил: «...а московьскага рать, хто ходил с воеводами, те и нонеч(а) с воеводами, а нам их не примати». Но при этом Дмитрий Иванович старался оградить служилое сословие от пополнения выходцами из торгово-ремесленного городского населения. В следующей фразе он распорядился: «...а гости, и суконниковъ, и городьскихъ люд(и)и блюсти ны с одного, а въ службу ихъ не примати»¹⁹. (Думается, в данном контексте имеется в виду именно запрет принимать их на военную службу, в состав служилых людей. Но, даже если понимать слово «служба» в более широком значении, воинская ее разновидность сюда определено относилась.)

Однако уже в первой четверти XV в. служилое профессиональное войско вытеснило ополченцев. Уже в 1425 г., согласно Московскому великокняжескому летописанию, митрополит Фотий посмеялся

над галицким ополчением, заявив, что «...не видах столика народа вь овчих шерстехъ»²⁰. Из этого видно, что в Москве к тому времени в основном от привлечения ополченцев уже отказались, отдавая предпочтение профессиональному служилому войску.

Если в Галиче ополченцы по-прежнему были привычными участниками войн по крайней мере до середины XV в. и принимали участие в битве с москвичами под стенами своего города 27 января 1450 г., то московское войско уже в первой четверти столетия стало служилым. Впрочем, это не удивительно, ведь Москва в XIV в. подвергалась вражеским нападениям чаще, чем Галич, поэтому там профессиональное служилое войско было нужнее. Конечно, в XV в. в Московском княжестве, равно как и в последующие века в Московском Царстве, ополченцев эпизодически мобилизовали в помощь служилым людям. Кроме Первой Казани (где они играли вспомогательную роль и в их задачу не входило участие во взятии Казани), они упоминаются в 1433 г., когда Юрий Дмитриевич Галицкий вместе со своими сыновьями пошел в поход на Москву, 18-летний Московский великий князь Василий II спешно собрал небольшое войско и встретился с неприятелем в 20 верстах от Москвы на р. Клязьме. Согласно тому же источнику, в составе московской рати, помимо служилого контингента «людей» — «воев», были и ополченцы — «москвичи», и «гости» — купцы, специализирующиеся на внешней торговле, и «прочие». Однако примечательно, что «москвичи» здесь дважды противопоставляются «воям», «людям»²¹. Из этого очевидно, что московские ополченцы к тому времени за полноценных «воев» не считались, их мобилизовали в отдельных случаях в «помощь» профессиональному служилому войску. Москвичи сражение проиграли, Василий II потерял московское княжение и получил удел в Коломне. Однако, по данным Ермолинской летописи, в том же году «...москвичи же вси, и князи, и бояри, воеводы, и дети боярьские, и дворяне»²², не желавшие служить Юрию, отъехали в Коломну к Василию. Это встревожило Юрия, который не мог теперь себя чувствовать в Москве в безопасности, поэтому он предпочел вернуть племяннику княжение. Здесь, наоборот москвичами названы именно служилые люди. Однако примечательно, что они, с точки зрения современного хрониста, составляли «всех» боеспособных «москвичей».

В сражении на р. Ливанке в 1442/1443 г., а также в бою на р. Оке с татарами в середине 1450-х гг. действовал именно великокняжеский «двор»²³ — служилые люди Московского государства. То же было и в сражении под Суздалем летом 1445 г.: московские горожане остались дома и, узнав о поражении великокняжеского войска, затворились в Кремле в осаде. Там во время большого скопления народа вспыхнул пожар, нанесший большой урон городу и его жителям. Василий II вернулся поздней осенью в разоренную, с поврежденными укреплениями столицу. Его собственный двор в Кремле к тому времени не был восстановлен после пожара, и ему пришлось жить одно время в Ваганьково, на пригородном дворе своей матери Софьи Витовтовны.

Таким образом, ко времени сражений под Русой 3 февраля 1456 г. и Шелонской битвы 14 июля 1471 г. московское войско представляло собой профессиональную служилую конницу, способную к более сложным и быстрым маневрам, нежели включавшие ополченцев русские рати предшествующих веков, ведь такие маневры, как на р. Шелони и под г. Русой, в состоянии были проделывать лишь профессиональные и хорошо обученные бойцы.

Трудно согласиться А. В. Быковым и в трактовке московской тактики в сражении под Русой и в Шелонской битве. По его словам, там легкая московская конница получила настоящее поражение в лобовом столкновении с тяжелой новгородской²⁴, и лишь со второго раза великокняжеское войско смогло одолеть неприятеля благодаря маневру и с помощью лучного боя. При этом, в тактике войск Басенка и Холмского исследователь, как было сказано выше, не находит ничего принципиально уникального в сравнении с маневрами монголов и русских войск в прежние века.

Представляется, что ученый некритически подходит к сведениям новгородских источников. Новгородцам под Русой в самом деле могло казаться, что поначалу удача была на их стороне. Вместе с тем отступление московского и татарского войск по улицам и дворам Руси было, несомненно, тактически продуманным. Новгородцев заманили в заранее подготовленную ловушку, где вторая рать, также состоявшая из москвичей и казанских татар хана Махмуда («Мамотьяка»), путем ловкого маневра и применения лучного боя победила довольно многочисленное новгородское войско²⁵.

Если же принять новгородскую летописную версию, что новгородцам в самом деле удалось поначалу обратить в бегство недругов, то каким образом в те времена, без современных средств связи, вторая рать могла вовремя поспеть в нужное место, и свершить внезапное нападение на неприятелей?

Тактическим приемом было и отступление москвичей на Шелони. Как резонно отметил Ю.Г. Алексеев, если бы новгородское ополчение смогло по-настоящему отбросить меньшую по численности московскую конницу за реку, это привело бы к поражению великокняжеских войск²⁶. Или, во всяком случае, лишило бы их сил, необходимых для второго, победного натиска.

По-видимому, это отступление было предпринято для того, чтобы отвлечь новгородцев перед нападением засадного татарского полка, который ударил на них с тыла. А затем уже и передовые московские силы напали спереди на новгородцев, предварительно обстреляв всадников, чтоб сделать их беспомощными в конном бою²⁷.

Несмотря на то, что в источниках есть сведения о применении русскими войсками засадной тактики в предшествующие века, в те времена она была значительно менее сложной и, как правило, сводилась к тому, чтобы выскочить из укрытия и напасть на противника с боков или с тыла. Между тем, в сражении под Русой перед самым подходом новгородцев москвичи, наряду с казанскими татарами Махмуда, быстро разбились на две части: одна незаметно засела в засаде за «полем», а другая совершила тактическое отступление к условенному месту. Не менее хитроумный маневр впоследствии был осуществлен московскими войсками и в 1471 г. во время Шелонской битвы: там москвичи совершили тактическое отступление назад через реку, а затем снова напали на новгородцев с фронта, в то время как с тыла на тех внезапно в нужный момент ударил засадный полк касимовских татар. Зато можно заметить сходство тактики Басенка под Русой с похожим маневром казанских татар того же Махмуда в битве с москвичами под Суздалем 1445 г. В ней татары тоже как будто начали отступать, а когда воодушевленные своим триумфом москвичи стали снимать доспехи с убитых недругов, неожиданно развернулись и перешли в контрнаступление, в итоге одержав победу над русскими. Не исключено, что москвичи заимствовали подобную тактику оттуда,

испытав ее действие на собственном опыте, и теперь вместе с тем же Махмудом предприняли нечто подобное против новгородцев. Московское войско, состоявшее из профессиональных воинов, имело возможность применять подобную тактику, требующую от бойца дисциплины, ловкости и большого воинского умения. И затем на Шелони они также обратились к приему, требовавшему большой ловкости и организованности. Таким образом, воздействие фактора «ориентализации» на развитие военного дела в Московском княжестве отрицать не следует. Другое дело, что овладение столь сложной маневренной тактикой стало возможным благодаря произошедшей в первой четверти XV столетия эволюции состава московского войска, когда ополченцы утратили в нем прежнее положение, и оно стало служилым, состоящим из профессиональных воинов, способных на быстрое и слаженное выполнение подобных операций. О. В. Комаров также отмечает, что со второй половины XV в. «...московское войско использовало маневренную тактику, с завязкой боя передовыми отрядами и обходами». Данные «приемы», по мнению ученого, не были абсолютным «новшеством, они известны по описаниям ряда сражений XII–XIV вв. Тем не менее, неизменно видна сложная картина боя <...> что объективно говорит о возросшем уровне дисциплины управления»²⁸.

Вероятно, после битвы под Суздалем, «Мамоत्याковицины», произошедшей 7 июля 1445 г., москвичи под влиянием татарских традиций также более активно стали использовать лучный бой.

Нельзя сказать, чтобы великокняжеские войска «Низа» — Северо-Восточной Руси, совершенно не пользовались луками в прежние времена. Но до середины 40-х гг. XV в. лучный бой не имел в сражениях какого-либо большого значения, а тем более не играл решающей роли. Известно, что Ливонская хроника выделяет среди русских участников Ледового побоища суздальских лучников²⁹. Но не сказано, что лучный бой сыграл важную или даже решающую роль в поражении ливонских рыцарей. Надо полагать, на ливонцев просто произвело большое впечатление присутствие лучников, так как в то время у них самих лучный бой имел еще меньшее значение, чем у русских. Ведь у ливонцев, по-видимому, вообще не было с собой луков. Описывая бой ливонцев с лучниками, хронист отмечал, что слышался звон мечей³⁰. Более того, русских лучников поставили в передний полк принимать на себя удар

ливонской конницы, которая их без особого труда разбила, а отнюдь не в засадные полки, окружившие и разгромившие ливонцев³¹. Те действовали иным оружием, а не луками, и они-то и одолели неприятеля.

В XIV — первой половине XV в. основным вооружением у москвичей, в том числе и в битвах со степняками, были копьа, сулицы (легкие метательные копьа) и мечи. В летописной повести о битве на р. Пьяне великокняжеским воинам посвящены, в частности, следующие упреки: *«Они же оплошишася и небрежением хожаху, доспехи своя на телеги своя въскладаху, а инии — в сумы, а у иных сулицы еше не насажены бяху, а щиты и копьа не приготовлены»*³².

Битва с ордынцами на р. Пьяне русскими была, как известно, проиграна. 2 августа 1377 г. русские войска потерпели серьезное поражение от татар. Но в данном случае важнее всего, что основным их оружием в битве с ордынцами считались не луки со стрелами, а копьа и сулицы. Год спустя, 11 августа 1378 г. на р. Воже в новом столкновении с ордынцами победа досталась русским войскам. Согласно летописной повести о битве на р. Воже, после решительного натиска русских *«...татарове же в том часе повергоша копьа своя и побегоша за реку за Вожу, а наши после за ними бьючи их, и секучи, и колючи, и убиша их множество, а инии в реце истопоша»*³³. И так, русские не стреляли татар, а били их (видимо, в данном контексте, имеется ввиду, что разили ударным оружием), секли и кололи.

В пространной летописной повести о Куликовской битве между великокняжескими и ордынскими войсками констатируется, что «инии» воины, видимо, с обеих сторон *«...мечем пресекаеми бываху, а инии сулицами прободаеми, инии же на копиа взимаеми»*³⁴. Замечу, впрочем, что из этих цитат можно понять, что на р. Воже ордынцы тоже использовали не столько лучный, сколько копейный бой, а на Куликовом поле, как и русские, в основном разили противника копьами, сулицами и мечами, а не стрелами. Однако в средневековом татарском войске копейный бой тоже имел большое значение³⁵, поэтому неверно представлять татарское войско исключительно в виде лучников. По какой-то причине А. Н. Кирпичников полагает, что победа над ордынцами в Куликовской битве продемонстрировала преимущество *«...традиционных европейских принципов ведения боя над азиатскими»*³⁶. На самом деле никакое превосходство «европейских»

принципов над азиатскими там значительной роли не сыграло ни в каком отношении³⁷.

Все эти повести о трех битвах второй половины 1370-х гг. были созданы в Северо-Восточной Руси и впервые дошли до нас в составе Новгородско-Софийского свода 1418 г., созданного еще тогда, когда были живы участники этих сражений. С другой стороны, эти виды оружия в качестве основных предметов вооружения великокняжеских войск были актуальны и для первой половины XV в., когда были впервые зафиксированы сохранившиеся до наших дней списки указанных летописных повестей.

В 1442/1443 г.³⁸ в сражении на Листани (р. Листвянке под Рязанью) с татарами Мустафы московский великокняжеский двор был, согласно Никоновской летописи, вооружен отнюдь не луками и стрелами, а сулицами, саблями и рогатинами, в то время как их недруги-татары были с луками и стрелами. В том же источнике сообщается, что из-за сильной стужи, ветра и метели «...луки ихъ и стрелы ни во чтоже быша»³⁹. А согласно записи Ермолинской летописи, отражавшей воспоминания участвовавшего в том бою Ф. В. Басенка⁴⁰, одного из воинов великокняжеского двора — коломенского наместника Григория Васильевича Глебова «застрелили в челюсть»⁴¹.

Но уже со второй половины 1440-х гг., по крайней мере, начиная с 1450-х гг., москвичи также стали широко применять луки, очень удобные в маневренном конном бою. Осенью 1446 г., когда русские сторонники свергнутого Василия II возвращались из Литвы, они встретили татар служилых царевичей Касима и Ягупа близ города Ельни. Встреча была неожиданной как для русских, так и для татар. Поначалу по причине недоразумения русские служилые люди великого Московского и удельного Серпуховско-Боровского княжеств вступили с татарами в лучную перестрелку⁴². Любопытно, что на сей раз москвичи и серпуховцы не планировали сражаться с татарами, а ехали биться с русскими сторонниками Шемяки из того же Московского княжества, и, предположительно, воинами из бывшего удела Шемяки — Углича, Галича, Костромы, которые в 1446 г. объединились с Московским княжеством. Но, тем не менее, в отличие от недавнего сражения на Листани, они имели при себе луки и могли в случае опасности пустить их в ход. Если по этому эпизоду все-таки сложно однозначно оценить значение

лучного боя в московском военном деле, так как стычка была мелкой и обе стороны быстро примирились, то в целом материалы о кампаниях второй половины XV в. однозначно свидетельствуют о возросшем значении лучного боя.

Как уже говорилось выше, в сражении под Русой 3 февраля 1456 г. москвичи вместе с татарами Махмуда, перед тем как приблизиться вплотную к новгородцам, обстреляли их коней.

Об этом упоминается и в новгородском и московском летописании⁴³. Из этого следует, что и московские служилые люди, наряду с татарами, были массово вооружены луками и отменно владели техникой лучного боя. Правда, по мнению Д. А. Селиверстова и О. В. Комарова, опиравшихся на рассказ великокняжеского летописания, москвичи и татары стреляли в новгородцев буквально из-за плетня⁴⁴. На этом основании Комаров предположил, что роль лучного боя в этом бою была принципиально иной, чем 15 лет спустя на Шелони, так как под Русой москвичи и татары стреляли из-за заграждений⁴⁵.

Однако новгородский хронист уточняет, что сам обстрел происходил не из-за другой стороны плетня, а с тылу и с боку: с этих сторон окружила новгородцев прибывшая с поля «иная рать»⁴⁶. Плетень играл роль Вороньего камня на Чудском озере, в него новгородцы уперлись, после чего их окружили и обстреляли. Таким образом, роль лучного боя под Русой была не меньшей, чем в Шелонской битве, где передовые части обстреливали новгородцев из луков в то самое время, когда с тыла на них ударил засадный татарский полк. Другое дело, что при описании сражения под Русой московский летописец поясняет, что на новгородцах были крепкие доспехи, которые обстреливать было нецелесообразным (в отличие от коней)⁴⁷. Аналогичный прием был москвичами применен и в Шелонской битве 1471 г., хотя тогда у новгородских воинов столь прочных доспехов не упоминалось. Более того, тогда на Шелони стреляли не только по коням, как это было под Русой, но и по самим новгородцам. Но обстрел вражеских коней был сам по себе очень выгодным, так как существенно ослаблял противника в конном бою.

Лучный бой широко применялся москвичами и в других сражениях XV в. В 1459 г. сын Василия II Иван впервые в русской истории смог на переправе через р. Оку остановить ордынское войско, не дав

перебраться на другой берег. Надо полагать для этого в борьбе с ордынскими татарами, которые сами были отменными лучниками, московские служилые люди тоже использовали луки: если бы они надеялись спихнуть ордынцев с берега копьями, саблями или даже сразить металлическими копьями — сулицами, то бой ими был бы проигран. Татары обстреляли бы их из луков с дальнего расстояния.

Любопытно в этой связи, что новгородцы на Шелони не смогли эффективно использовать луки, хотя тоже имели их при себе. По данным Типографской летописи, они предварительно перестреливались с московскими войсками через р. Шелонь⁴⁸. Однако, когда великокняжеское войско стало форсировать Шелонь и ее левый приток «Дрянь»⁴⁹, новгородцы не стремились обстреливать неприятелей на столь сложной переправе, хотя у них была бы возможность многих разить сбоку, когда те переправлялись через Шелонь, что, вероятно, могло бы существенно скорректировать результаты сражения. Вместе этого новгородские ратники попытались их оттолкнуть за Шелонь тогда, когда те подступили к ним⁵⁰.

Неудивительно, что удар в тыл относительно небольшого отряда касимовских татар произвел на новгородцев сильное впечатление и сыграл важную роль в их поражении. Согласно знаменитому свидетельству иностранного наблюдателя А. Контарини, побывавшему в России в 1470-х гг., Иван III содержал на границе своих владений татарина, а тот на деньги, получаемые от великого московского князя, держал 500 всадников⁵¹. Исследователи справедливо видят в этом татарине касимовского царевича Данияра⁵². Приведенные цифры подтверждаются и русскими данными. Известно, что в декабре 1477 г. все войско Данияра разместилось на постое под Новгородом в двух маленьких пригородных монастырях — Кириллове и Андреевском⁵³. Татары, очевидно, применяли тактику лучного обстрела. Ведь иначе столь немногочисленному касимовскому войску очень сложно было бы успешно сразиться с довольно крупным новгородским воинством даже при самом удачном внезапном нападении на него с тыла из засады. То войско просто смяло бы его при лобовом столкновении, учитывая, что оно было большим по размеру, чем даже все силы Холмского, принявшие участие в этом сражении. А татары традиционно хорошо владели техникой лучного боя, и в рассказе новгородских пленников

экзотическое войско, обрушившееся на новгородцев с тыла, представляется грозной силой, а отнюдь не жалкой горсточкой, какой оно было в численном отношении по сравнению с новгородским воинством. Если у новгородцев лучный бой так и не приобрел сравнительно большого значения, то москвичи со второй половины XV в. стали успешно его использовать. Причем не только в столкновениях с новгородцами, но и с татарами. Как было отмечено выше, бой между москвичами и ордынцами на Оке в 1459 г., надо думать, был выигран великокняжеским войском при значительном содействии лучников.

Кроме того, из русско- татарских сражений XV в. стоит также упомянуть встречу с ордынцами под Алексиным 1472 г., когда войска Северо-Восточной Руси сражались с помощью луков и стрел, а также стояние на Угре 1480 г., когда великокняжеское войско в течение нескольких дней подряд не давало ордынцам форсировать Угру, используя помимо пищалей и стрелы. О. В. Комаров тоже отмечает немаловажную, даже ведущую роль лучного боя в этих двух кампаниях⁵⁴. И хотя сложно утверждать, что на Угре данная разновидность ведения боя была главенствующей относительно пищалей, в целом можно согласиться с исследователем, что в перечисленных им баталиях второй половины XV — первой половины XVI вв.⁵⁵ роли лучного боя русские войска придавали высокую значимость. Сам О. В. Комаров называет тактику лучного боя *«ордынской»*⁵⁶. Впрочем, у какого именно осколка Золотой Орды москвичи ее заимствовали, он не уточняет.

Как видно, в середине XV в. в московском войске луки получили достаточно скорое и существенное распространение. Согласно описанию рати великого московского княжества, данному московским послом в Милане Георгом Перкамотой, лук был в числе основных видов оружия московитов при наступлении⁵⁷.

Развитие маневренной тактики и лучного боя у московского войска в середине XV в., вероятно, вызвало и трансформацию типа используемых доспехов, их замену на более удобное снаряжение для этих целей. Стоит упомянуть любопытные устные замечания К. А. Жукова, что развитие техники лучного боя влияло на характер посадки воина на коня — на тип седла, и, соответственно, и на его доспех. Трудно сказать, происходила ли смена доспехов резко или постепенно. В то же время, памятуя об опыте новгородских новаций в сражении под Русой,

трудно согласиться с А. В. Быковым, что московское правительство не могло быстрее, чем за десятилетия, перевооружить свое войско, ведь оно ничем в этом отношении не было хуже новгородской верхушки.

Во всяком случае, по моему мнению, в середине XV в. после поражения под Суздалем 1445 г. в московском военном деле произошли значительные перемены. В нем, по аналогии с татарским, развилась техника лучного боя и маневренная тактика. Одним из проявлений данной «ориентализации», по-видимому, стала смена доспешного типа. Другое дело, что описанные выше изменения не могли не быть мотивированными произошедшими до этого времени трансформациями в составе московского войска, которое теперь, как правило, обходилось без ополченцев и состояло из профессиональных воинов, служилых людей. А. В. Быков в определенном смысле прав, полагая, что изменение состава войска изменило и «требование к доспеху». Но это следует отнести не к концу XV в., а к более раннему времени. И не стоит исключать, что эволюция доспехов, как и развитие маневренной тактики и лучного боя, была осуществлена под влиянием татарских традиций, поэтому гипотеза О. В. Шиндлера о начале смены *«доспешной моды»* «...примерно в середине XV в.» нам представляется достаточно правдоподобной. Во всяком случае «ориентализация» военного дела Московского княжества по примеру традиций средневожских татар в середине XV в. действительно имела место. Думается, что было бы перспективно провести комплексное изучение всех известных фрагментов среднерусских доспехов наряду с иранскими, татарскими, турецкими и т.д., а также изменений в тактике и вооружении в этих государствах на протяжении XIV–XV вв. Но это — тема для отдельного большого исследования.

Как показал О. В. Шиндлер, терминология, связанная с доспехами новых типов, начала фигурировать в источниках еще в 1470-х гг. и многие термины уже к концу 1480-х стали обиходными. Это обстоятельство дает основание полагать, что значительное распространение этих доспехов в московском войске пришлось не на конец XV в., как думает А. В. Быков, а на более раннее время. Ведь окончательный и наиболее массовый *«вывод»* новгородских старинных вотчинников произошел во второй половине 1480-х гг. Соответственно, развитие служилых корпораций помещиков, начиная с образования новгородского

служилого города, в то время только началось и никак не могло оказать решающего влияния на распространение новых типов доспехов.

Кстати, стоит заметить, что ближе к концу XV в. доспехи восточного типа стали использовать и западные соседи Московского княжества — литовцы. В процитированной О. В. Шиндлером переписке Ивана III с Казимиром Ягеллончиком 1489–1490-х гг. упомянуты «*тягиляи камчяты*», украденные на «*королеве дворе*»⁵⁸. Едва ли это были исключительно трофейные доспехи.

Кроме того, О. В. Шиндлер привел данные из реестра «*о посполитых речах скарбных*» 1510 г. о доспехах новых типов, сделанных по восточному образцу для местной знати⁵⁹. Впрочем, ВКЛ и Польша во второй половине XV — начале XVI в. нередко подвергались крымским набегам, и их правители и шляхта могли убедиться в положительных качествах татарских доспехов.

Северорусские боярские вечевые республики — Новгород и Псков — сталкивались с татарами реже. И них смены типов доспехов по восточному образцу не произошло. Лишь после падения этих государственных образований и присоединения их территорий к Московскому государству там сложились служилые корпорации, экипированные уже по московскому образцу.

О доспехах в московско-новгородской войне 1471 г.

Как и О. В. Шиндлер, А. В. Быков значительное внимание уделяет новгородским доспехам, упомянутым в летописных известиях о боях новгородско-московской войны 1471 г. — Коростынском сражении и Шелонской битве.

По мнению первого (ссылавшегося на сходную точку зрения А. Ф. Медведева), в селе Коростынь москвичи занялись уничтожением доспехов побежденных новгородцев, так как снаряжение показалось им устаревшим и не отвечающим современным требованиям. Впрочем, исследователь не исключает, что москвичи ассоциировали чужие доспехи с «*...врагами своего государства*»⁶⁰.

А на р. Шелони, по выводу ученого, новгородцы констатировали ущербность своих доспехов в сравнении с московскими⁶¹.

Иначе интерпретирует эти эпизоды А. В. Быков. По его мнению, в Коростыни москвичи бросили новгородские доспехи, чтобы те

не достались врагу. Они не знали, чем окончится предстоящий бой со второй, более сильной новгородской судовой ратью в Русе и не хотели обременять себя трофеем, который потом могут забрать недруги. И после победы над обоими новгородскими десантами Холмский предпочел отступить из Приильменья к Демону⁶². Близкие взгляды ныне высказал О. В. Комаров: согласно его утверждению, москвичи не стали обременять себя такими трофеями из опасения их потерять в следующих боях с новгородцами⁶³.

Следует отметить, что в отличие от своих предшественников, склонных по умолчанию при описании этого сражения во многом следовать московским летописным оценкам, А. В. Быков задумался над их достоверностью и попытался их критически переосмыслить. Однако предложенная им трактовка не представляется убедительной.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что москвичи не хотели отдавать эти доспехи второй судовой рати в Русе. Несмотря на то, что вторая судовая рать была, по словам московского хрониста, «множае» и «сугубиша» первой⁶³, ее приход в отличие от той, предыдущей, уже не был для москвичей неожиданным. Покончив с первой, москвичи воротились в Русу как раз к ее прибытию в этот город. Надо полагать, о ней они получили информацию от тех самых малодушных пленников из первой судовой рати, что по приказанию московских воевод согласились друг друга увечить.

При этом вторая судовая рать не могла быть очень большой. (Едва ли она, как сказано в поздней Львовской летописи, достигала 4000 воинов. Впрочем, этот источник в описании данной кампании содержит и другие неточности, например, сведения о наличии бродов через Шелонь на месте Шелонской битвы⁶⁵. Хотя, по словам современного хрониста — составителя московского свода 1472 г., там бродов не было⁶⁶. А в сохранившейся современное ростовское владычное летописание Типографской летописи сообщается, что многие воины на переправе «опловоша»⁶⁷. В связи с этим все уникальные известия данного рассказа Львовской летописи следует оценивать критически и по возможности подвергать ревизии.) Ведь Новгород в XV в. был способен выставить 10000 или несколько более воинов. Сами новгородцы, помимо двух судовых ратей в Приильменье, отправили на русский север отряд городских бандитов-шильников, а также послали

на Шелонь городское воинство, заметно превосходившее по численности 4–5-тысячные силы Холмского⁶⁸. Соответственно, крайне сомнительно, что лишь в одной из судовых ратей, пускай и в наибольшей, было целых несколько тысяч воинов. К тому же такая флотилия в то жаркое, засушливое лето, скорее всего, просто не доплыла бы до Русы. Ведь устья крупных южных притоков Ильменя в то лето обмелели, что стало препятствием для возвращения рушанских беженцев из Новгорода по озеру на судах⁶⁹. Стоит заметить, что десятки рушанских судов погибли не в устье Полисти, а в устье Ловати, хотя плыть по Ловати им было неудобно, ведь они были «из Русы»⁷⁰. Не потому ли они были вынуждены взять курс на Ловать, что Полисть стала такой же несудоходной? Правда, и в Ловать они не вошли, так как та тем летом «засохла». В итоге, по версии новгородского хрониста, они погибли от шторма на озере. В начале июля, когда произошло сражение со второй судовой ратью под Русой, — дельта Полисти могла быть не столь обмелевшей, как в период межени, но была, безусловно, непроходимой для многих десятков судов.

Таким образом, московскому войску в несколько тысяч всадников противостоял выбравшийся из судов небольшой пеший отряд новгородских ополченцев, который даже не мог использовать фактор внезапности, ибо Холмский заранее все о нем знал и прицельно ехал его разгромить. Странно было бы ожидать, что вторая рать в этих условиях могла выиграть бой и отнять московские трофеи.

Кроме того, вопреки утверждению А. В. Быкова, г. Демон был плохим местом для того, чтобы под его стенами находить убежище от потенциальных судовых новгородских ратей. Это была небольшая, но серьезная новгородская крепость, которую, как видно при внимательном анализе летописных источников, москвичи до 1471 г. так ни разу фактически и не взяли⁷¹. Так, в 1441 г. она была взята войсками Василия II лишь по версии московских летописцев. Вместе с тем в новгородском летописании об этом не сообщается, но упомянуто, что князь встретил новгородскую делегацию под Демоном. Аналогичную картину описывают и сочувствующие великому князю псковские хронисты. Вероятнее всего, взятия крепости как такового не состоялось. Разве что лишь после подписания мира с новгородцами московский князь, возможно, зашел в город на постой или по уговору с новгородцами

взял с него откуп на правах победителя в кампании. А в феврале 1456 г. Василий Темный простоял под ним с войском, да так и ушел ни с чем, потеряв убитыми некоторое количество своих «шестников»⁷³.

Кстати, в 1471 г. осада Демона тоже была непростым делом. Не позже 11 июля под ним встали войска князя Холмского, которые по приказу Ивана III сменили воины Михаила Верейского. Последний простоял под городом некоторое время, дождался капитуляции тамошних воевод и получил откуп с демонцев, но, судя по контексту рассказа великокняжеского хрониста, лишь после того как пришла весть о разгроме новгородцев на Шелони. Когда 18 июля в Яжелбицах великий князь получил весть о поражении новгородцев в Шелонской битве, Михаила Верейского в его ставке не было. Зато там находился новгородский владычный посол, боярин Лука Клементьевич, просивший выдать ему на обратный путь опасную грамоту — документ, обеспечивающий неприкосновенность в случае встречи с великокняжескими войсками. Однако Иван III отпустил владычного делегата в Новгород лишь «с *Селищ противу Демона*», после чего, по словам хрониста, демонские воеводы и горожане сдались Михаилу Верейскому. Не исключено, что Иван III специально так поступил, чтобы продемонстрировать демонцам пораженческое состояние новгородцев. Вероятно, это и послужило причиной капитуляции города. Дело, очевидно, было около 20 числа или начала 20-х чисел. Таким образом, Демон продержался примерно декаду или, возможно, немного больше. И, вероятнее всего, смог бы выдерживать неприятельскую осаду еще на протяжении некоторого времени.

В этой связи наивно полагать, что после победы над второй судовой ратью в Русе Холмский решился бы отступить именно под стены Демона. Туда он мог пойти лишь с одной целью — взять город.

Любопытно сравнить маршруты великокняжеских войск в московско-новгородских войнах 1456 и 1471 гг. В 1456 г. Василий II также послал войско в несколько тысяч человек в Приильменье, но сам пытался взять Демон (и другие южные новгородские крепости). В 1471 г. великокняжеская колонна в дни, когда войска Холмского воевали с новгородскими судовыми ратями, находилась между Торжком и оз. Коломенским (окрестности г. Вышний Волочек) и не заявляла о намерениях осаждать Демон. Соответственно, Холмский

(который после столкновения с двумя новгородскими судовыми ратями имел резон ожидать возможность и набега с юга, из Демона) имел все основания взять это на себя. (Демон располагался от Русы всего в полтора раза дальше, чем тот же Новгород. А пригорожане северорусских боярских вечевых республик были способны совершать набеги на владения и войска противников. Известно, что кованная рать из 150 вельян в 1406 г. нанесла урон вторгшимся в псковскую землю ливонским рыцарям, а вышегородцы в 1471 г. совершали набег на псковскую Навережскую губу. Ополченцы Демона тоже могли нанести удар в спину великокняжескому войску в Приильменье.) Надо сказать, что Иван III тоже считал нужным взять Демон. Вот только Холмского он отослал на запад на соединение с псковичами для дальнейших совместных боевых действий в Новгородской земле. Вместо него под Демон он прислал Михаила Вереяского, который до этого шел в великокняжеской колонне. При этом после боев с обеими новгородскими судовыми ратями в Приильменье Холмский считал себя в силе осаждать Демон, а Иван III полагал, что этот полководец со своими войсками сможет вместе с псковичами вести дальнейшие боевые действия в Новгородской земле.

В этой связи трудно согласиться с А. В. Быковым и О. В. Комаровым, что Холмский отказался брать в Коростыни новгородские доспехи, чтоб они не достались врагу. Надо заметить, что сведения об уничтожении новгородских доспехов стоят рядом с описанием жестоких расправ над новгородскими пленниками, которым московские воеводы велели резать друг другу носы и уши и затем в таком виде отпустили в Новгород, надо полагать, в назидание остальным новгородцам: *«...темъ же изнимаемым самимъ межи себе повелеша носы, и губы, и уши резати, и отпуцати их назад к Новугороду, а доспехи их, снимающе, в воду меташу, а ини огню предаша, не бяху бо имъ тебе, но своими доспехи все доволни бяху»*⁷⁴. Обращаю внимание на одну существенную деталь: доспехи сняли не с убитых (которых, согласно другим данным, было около 500⁷⁵), а с пленных, которые проявили крайнее малодушие — стали по требованию врагов увечить друг друга (да еще наверняка предали своих сограждан из второй судовой рати, указав место и время ее прибытия). Отмечая личную жестокость великокняжеского полководца князя Холмского, следует также иметь в виду,

что данный московский поход на Новгородскую землю, в отличие от прежних кампаний, носил характер крестового похода. Согласно известному утверждению официозного великокняжеского летописания, Иван III пошел на новгородцев войной «...не яко на христиан, но яко на иноязычникъ и на отступникъ православья»⁷⁶. И Холмский этой установке вполне следовал, проявляя к новгородцам не простое презрение, но и отношение к ним, как к нехристям.

В скором времени, после Шелонской битвы, произошедшей 14 июля, он похоронит убитых в ней новгородцев не по христианскому обычаю. Об этом весьма выразительно свидетельствуют находки, обнаруженные Н. И. Костомаровым в низовьях р. Шелонь. В его автобиографии есть интересное сообщение о груде человеческих останков, присыпанных береговым песочком при впадении р. Дрянъ в Шелонь. Данный холм оказывался на правом, западном берегу этого притока. А сам приток, по словам ученого, впадал в Шелонь в нескольких верстах к западу от села Велебицы, не доезжая часовни (*имеется ввиду часовня в Егольнике. — М. Н.*). Н. И. Костомаров предположил, что основное сражение москвичей и новгородцев произошло выше по р. Шелонь, ближе к г. Сольцы, а дальше новгородцы вскоре побежали, но уперлись в р. Дрянъ, где приняли гибель от руки преследовавших неприятелей⁷⁷. Вычислить место холма нетрудно. Костомаров «ехал» со своим спутником от Велебиц к Сольцам. Соответственно, мог двигаться лишь по старому Солецкому тракту. Сейчас эта дорога сохранилась и является главной улицей деревень Скирино, Велебицы, Егольника. А между Велебицами и часовней в селе Егольнике с нее видно устье лишь одного левого притока Шелони — р. Тополевик. Выходит, холм с человеческими останками находился на правом берегу этого ручья близ впадения его в Шелонь. Сейчас в этом районе нет никаких его признаков, зато имеются воронки снарядов. По-видимому, он был стерт с лица земли в ходе обстрелов во время Великой Отечественной войны.

Стоит обратить внимание, что версия Костомарова противоречит сведениям Псковской III летописи, где река Дрянъ упоминается: москвичи переправились через нее к новгородцам и тут же их разбили⁷⁸, а вовсе не новгородские ополченцы бежали от них на восток по направлению к Новгороду до тех пор, пока не уперлись в реку. Однако свидетельства о человеческих останках в устье р. Тополевика весьма

интересны, равно как и крайне необычный способ их погребения. Ведь им не рыли могилы, как принято у христиан, а просто побросали грудой и присыпали местным песком. Соответственно, относились к ним очень неуважительно и хоронили наскоро. К сожалению, в XX в. военные снаряды, похоже, уничтожили этот курган, не оставив следа, а сам Костомаров не смог датировать останки современными методами. Все же маловероятно, что они относятся к Смутному времени, так как массовой резни в тех местах в тот период неизвестно. Правда, на р. Шелонь в начале XVII в. в г. Порхове произошло восстание против шведских интервентов. Но Порхов находится в примерно в 80 км от деревни Скирино. Надо полагать, что останки относятся именно к решающему сражению войны 1471 г., когда на новгородцев пошли как «...на иноязычникъ и на отступникъ православья»⁷⁹. Москвичи насыпали холм по другую сторону ручья, напротив места разгрома новгородской рати, на котором они встали лагерем «на костях». Впрочем, стоит отметить, что на самом кладбище у христиан жить не принято, оно обычно находится немного в стороне от жилья. В этой связи не исключено, что в Коростыни они учинили показательную расправу над новгородскими доспехами как над презренными, нечистыми и потому недостойными в какое-либо употребление христианами.

Подобные мысли помимо О. В. Шиндлера высказывал и А. И. Филюшкин⁸⁰. (Хотя в целом его утверждение, что москвичи, велев новгородским пленникам резать друг другу носы и уши, следовали библейскому пророчеству Иезекииля о разорении Иерусалима, требует дополнительного обоснования: на Шелони тот же Холмский ничего подобного с пленниками не делал. Один из них — военачальник Василий Казимир, был потом новгородским воеводой в московском походе на Ливонию зимой 1481 г. Вряд ли на такую должность поставили бы человека с плохим слухом (отсутствие обеих ушных раковин сильно сказалось бы на состоянии его слуха, поскольку они не только помогают лучше улавливать звуковые сигналы, но и обеспечивают способность определять направление источника звука. Человек без ушей в качестве воеводы на поле боя, таким образом, представлял большую опасность не только для себя, но и для войска). Да и уничтожение новгородских доспехов в Коростыни никак не согласуется с той же библейской цитатой, по контексту которой имущество иерусалимцев присваивалось в качестве трофея.)

Кроме того, такие жалкие, малодушные люди, как взятые в плен в Коростыни новгородцы, сами по себе должны были у князя Д. Д. Холмского вызвать презрение. Сам-то он был, безусловно, человеком бесстрашным и волевым (об этом говорит его мужество и находчивость на Шелони, когда он, не растерявшись, решительно вступил в бой с превосходящими силами противника, применив трудновыполнимый, но блестящий маневр). Не исключено, что их вещи, в том числе и доспехи, москвичам было чисто по-человечески противно на себя надевать.

Возможно, еще одной причиной не брать себе в Коростыни новгородских доспехов для москвичей послужило нежелание обременять себя лишним грузом. По любопытному устному замечанию В. В. Пенского, войско Холмского не было обременено большим гужевым обозом, и ему было сложно перевозить такие трофеи. (Как показывает выявленный мной темп движения этого войска от г. Демона к низовьям р. Шелони, оно, надо думать, и вовсе его не имело⁸¹.) Следовательно, лишние доспехи для него — даже на мягкой основе, которые они в Коростыни жгли на огне, были большой тяжестью. (При том, по отношению к войску Холмского В. В. Пенской употребил термин *«изгонная рать»*. Представляется, что это не совсем точное определение, так как в непосредственную задачу такого войска входило *«брать изгоном»* — неожиданно захватывать неприятельские населенные пункты, людей и т. д. А за Холмским в Коростыни таких дел не значится. Другое дело, что войско Холмского, будучи достаточно быстрым, маневренным и не обремененным обозом, во многом напоминало *«изгонную»* рать Басенка, которая, по словам новгородского хрониста, неожиданно для местных жителей утром 2 февраля 1456 г. заняла Русу⁸². Данный источник оценивает ее численность в 5 000, что примерно соответствовало московским оценкам численности войска Холмского накануне Шелонской битвы. Судя по темпам передвижения, войско Басенка, как и Холмского, быстро перемещалось, не было отягощено большим обозом⁸³.)

Неизвестно, прав ли О. В. Шиндлер, полагая, что москвичи, облаченные в доспехи нового типа, гнушались при этом брать новгородские доспехи как устаревшие. Стоит иметь в виду, что новгородское войско, в отличие от профессиональной московской служилой конницы, представляло собой городское ополчение. В XV в. в новгородском войске появился состоящий из части городского боярства владычный полк,

несший военную службу в мирное время⁸⁴, но основу по-прежнему составляло ополчение, занимавшееся ратным делом лишь во время войн. Большинство новгородских ополченцев не относились к богатым высшим слоям новгородского общества и по бедности имели недостаточно качественные доспехи. Недавно я отмечал, что доспехи новгородских «молодых» людей — основы новгородского ополчения — сильно проигрывали по своему качеству доспехам бояр и житьим⁸⁵. Это хорошо видно по результатам сражения под Русой 1456 г. И хотя А. В. Быков подчеркивает, что новгородцы, были в «крепких», то есть, отнюдь не низкокачественных доспехах, в действительности прочность являлась далеко не единственным критерием высокого качества. Примечательно, что новгородский летописец упомянул «битыхъ» (видимо, ударным оружием типа шестопера⁸⁷. — М. Н.) и «раненныхъ» новгородцев, которых, по его словам, было «много», и все они скончались от боевых травм, но только не быстрой смертью, а много часов спустя, преодолев около 70 км до дома — «прибежавшие в Новгородъ и помороша»⁸⁸. При этом книжник подчеркнул, что это были «не бояре, но молодии (незнатные. — М. Н.) люди». Выше, при перечислении участников похода, летописец упоминает «молодихъ людей» в качестве низшей социальной категории, помещая их на последнем месте после бояр и житьих⁹⁰. В некоторых статьях Новгородской судной грамоты «молодчий» также оказывается противопоставлен боярину и житьему. В договорной грамоте Новгорода с Казимиром IV 1471 г. при перечислении подсудных королевскому наместнику социальных категорий Новгородской земли «молодший» тоже значится после бояр и житьих, но при этом перед «селянином»⁹¹, что определенно говорит о его принадлежности к низшим слоям городского населения. Надо полагать, это понятие объединяло незнатные городские слои — купцов и черных людей⁹². Но почему купцов и черных людей, в отличие от бояр, да еще в столь массовом количестве, постигла такая участь, летописец не сообщил. Можно лишь предполагать, что они медленно умирали от черепно-мозговых травм и повреждений внутренних органов. В то время при относительно низком уровне развития медицинских навыков такие недуги врачевать не умели. Следовательно, если бы их получил кто-нибудь из бояр, то и он даже при самом качественном уходе умирал бы в течение того же самого времени, что и его «молодии»

соратники. Нет оснований и связывать травмы незнатных воинов с их худшими военными способностями. Как показывает практика современных бугуртов, там травматизм далеко не всегда находится в прямой зависимости от степени обученности участников⁹³. Вероятнее всего, сказалось худшее качество доспехов рядовых новгородцев, более уязвимых и менее прочных. Что касается бояр, житых и дворян князя Шуйского, то они таким образом не пострадали (а те бояре, что были смертельно ранены, скончались на месте), на них, надо полагать, были доспехи лучшего качества. В 1456 г. все новгородцы, прибывшие под Русу, обладали необычными для новгородского вооружения того времени крепкими доспехами. Но все равно социальная неоднородность новгородского общества сильно сказывалась на качестве доспеха.

В рассказе новгородского летописца о Шелонской битве именно молодой человек служил нарицательным образом бойца с плохим конем и доспехом: *«И начаша новгородци вопити на больших людей, которыи приехали ратью на Шолону. „Ударимся ныне“; каждо глаголюще: „Язь человекъ молодой, испротеряхся конемъ и доспехом“»*⁹⁴. Таким образом, «новгородци» «вопили» на представителей знати (*речь идет о владычной коннице. — М. Н.*), мол, давайте сразимся теперь, при этом каждый из новгородцев о себе говорил, мол, он человек молодой и «испротеряхся» конем и доспехом. (Как отметил А. В. Быков, В. В. Колесов почему-то переводит эту фразу: «Сразимся сейчас», но каждый говорил: «Я человек небольшой, подрастратился конем и оружием»⁹⁵. Между тем, по верному наблюдению Быкова, этого «но» не было в первоисточнике⁹⁶. Добавим, что оно искажает смысл фразы: при таком переводе молодыми людьми себя должны были называть не новгородцы, а бояре владычной рати, что противоречит источнику.)

Правда, по мнению А. В. Быкова, речь идет о настоящих незнатных новгородцах, которые не истратились конем и доспехом, а растратились на их приобретение. По словам исследователя, *«...испротеряхся конем и доспехом»* значит *«потратился на коня и доспех»*. Слово «протор» переводится как «издержка», «убыток»⁹⁷. *«То есть небогатый новгородец, призванный в ополчение, потратил свои сбережения на коня и доспех в надежде на то, что вернется с войны с трофеями и так сторицей окупит свои издержки, повысит свой имущественный статус. Именно поэтому он призывает ударить на москвичей,*

не дожидаясь понедельника. Он боится, что бояре начнут переговоры и завершат дело миром, такой исход лишит его военной добычи. Получится, что он зря потратил чрезмерные для него средства на коня и доспех. Делать вывод о том, что у него плохой доспех или плохая лошадь, опираясь на слово „испротеряхся“, было бы неправильно. Скорее, у него дорогие (для его финансовых возможностей) лошадь и доспех. Рискованное капиталовложение, которое прямо сейчас, если дело кончится миром, грозит для него превратиться в убыточное»⁹⁸.

Полагаю, что исследователь неверно понимает смысл призыва новгородцев «удариться ныне». По его трактовке выходит, что они торопились вступить в бой. Вместе с тем перед этим эта фраза помещена в летописи сразу после сообщения о неприбытии владычного полка в срок на подмогу новгородской пешей рати по причине нежелания сражаться с великокняжескими войсками. Как говорили бойцы владычного стяга, архиепископ послал их в поход не против москвичей, а против псковичей: «...и новгородци изыдоша противу себе на Шолону, а к Русе послаша новгородци судовую рать, и пеши бишися много, и побиха москвич много; и пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пешей рати на срок в пособие, занеже владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: „Владыка нам не велел на великого князя руки подынути, послалъ нас владыка на пскович“». И начаша новгородци вопити на больших людей, которые приехали ратью на Шолону. „Ударимся ныне“»⁹⁹. В этой связи требование новгородцев «удариться» «ныне» надо понимать не как пожелание скорее ввязаться в бой с врагом, а как призыв ко владычной рати помочь им в этот раз — мол, давайте теперь, «ныне» вместе будем сражаться с неприятелем¹⁰⁰. Кроме того, согласно логике А. В. Быкова, именно новгородцы первыми начали бой, хотя москвичи хотели отложить его до понедельника, считая, что в воскресенье драться грешно. Новгородский хронист сообщает, что «...москвичамъ же до понеделника отлагающим, бяше бо недиля. И начаша ся бити, и погнаша новгородци москвичъ за Шолону реку, и ударишася на новгородцевъ западнаа рать татарове, и паде новгородцевъ много»¹⁰¹. Или, согласно весьма точному переводу В. В. Колесова, «...москвичи же до понедельника отложили бой, ибо было воскресенье. И начали они биться, и погнали новгородцы москвичей за Шелонь-реку, но ударил

на новгородцев засадный татарский полк, и погибло новгородцев много»¹⁰². Выходит, что москвичи, согласно новгородскому источнику, отложили бой до понедельника, а сами потом напали первыми. На самом деле новгородский летописец перепутал дату и бой был в воскресенье, на день Св. Акилы. 14 июля 1471 г. Иван III повелел пристроить в честь победы над новгородцами к Кремлевскому Архангельскому собору пределы Акилы и Воскресения. А новгородцы, не привыкшие глубоко чтить Св. Акилу, наголову разбитые и напуганные, потом просто перепутали дату¹⁰³. Однако новгородский хронист верно указал, что москвичи первыми бросились в бой (это, как известно, указано и в других летописных рассказах о той баталии, включая московское великокняжеское летописание и Типографскую летопись). Ведь еще накануне сражения они должны были отправить тайно через реку в тыл к новгородцам засадный татарский полк, который потом, по рассказам новгородских пленников, приведенным в «полутра» к великокняжеским воеводам, напал с тылу на них: «...но еще инные полки видехом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты и болишие стяги и скипетры»¹⁰⁴. Соответственно, воевода Холмский принял решение сразиться с новгородцами еще до начала битвы и заранее все подготовил для того, чтобы с воскресного утра начать бой. Вовсе не новгородцы вынудили своим нетерпением москвичей вступить в бой в воскресенье, хотя те будто бы хотели отложить кровопролитие на день.

Сложно согласиться с А. В. Быковым в том, что «новгородцы», «вопившие» на бояр владычного полка, были в самом деле сплошь простыми, «молодыми» людьми и всерьез опасались, что владычный стяг добьется перемирия с Холмским¹⁰⁵. Как мы уже отмечали, ссылаясь на подобное мнение А. В. Быкова (высказанное первоначально не в печати), что тот следует распространенной неверной трактовке этого эпизода как социального конфликта между боярами и меньшими. Не говоря о том, что подобная политика владычного полка в тех условиях мне кажется нереальной¹⁰⁶. Совершенно не ясно, как один владычный полк мог пойти против всего большого войска и вопреки его воле добиться перемирия с великокняжеским войском. И несмотря на то, что историки обычно, причем без какой-либо аргументации, воспринимали этот эпизод на Шелони как спор «больших» с «меньшими»¹⁰⁷, в историографии высказывались и иные взгляды. Еще Н. М. Карамзин рассматривал

данный эпизод с позиции разногласий между разными новгородскими полками¹⁰⁸. А, как видно при внимательном прочтении летописного известия, на бояр владычного полка *«вопили»* вовсе не одни *«молодые люди»*, а все *«новгородцы»*, в том числе и часть бояр. К последним следует отнести воевод, посадников Дмитрия Борецкого и Василия Казимира, в этот владычный полк не входивших. Образно приписываемые летописцем *«каждому»* из *«новгородцев»* слова *«язь человек молодой»* являются некоторой метафорой¹⁰⁹. (В. В. Колесов переводит их как *«я человек небольшой»*¹¹⁰. Перевод не совсем точен, так как искажает смысл метафоры.) Некоторым преувеличением, по верному наблюдению О. В. Шиндлера, было и бедственное состояние доспехов и коней у всех новгородцев, не входящих в состав владычной рати: *«Если бы в тот раз у новгородцев дела с лошадьми и вооружением обстояли как-то особенно плохо, то официальный московский великокняжеский летописец точно не умолчал бы об этом. Учитывая, что он много писал о несогласиях в рядах новгородцев, которые и после боя, убегая от москвичей, продолжали бить друг друга, а также отмечал абсолютную необученность и неопытность ополченцев, несомненно, он не прошел бы мимо такого факта»*. Вместе с тем, по словам ученого, *«...даже официальная новгородская летопись вынуждена была признать очевидное: по сравнению с московскими служилыми конниками новгородцы сильно проигрывали и как наездники, и в плане доспехов»*¹¹¹. Выражение *«испротерялся конем и доспехом»* в данном контексте означает не потратился на коня и доспех, а, как предположил В. В. Колесов, подрастерялся конем и доспехом¹¹². Интересно отразил этот эпизод писатель Д. Балашов в своем историческом романе «Марфа-посадница»: он вкладывает эти слова в уста не настоящего рядового, *«молодого»* новгородца, а молодому житею, который крикнул, что он *«человек молодой, истерялся конем и доспехом»*¹¹³.

По верному выводу О. В. Шиндлера, как видно, кони и доспехи значительной части новгородцев действительно невыгодно отличались от московских, более актуальных для кавалерийского маневренного боя, и поэтому новгородцы очень надеялись на активную помощь своих наиболее качественно вооруженных сограждан из профессиональной владычной конницы¹¹⁴. Дело тут, правда, не в типовых различиях доспехов москвичей и новгородцев, а в том, что новгородское

воинство в основном состояло из незнатных людей, многие из которых были вооружены сравнительно бедно. Недаром понятие «*молодой человек*», вложенное современным новгородским хронистом в уста новгородских бойцов, служило нарицательным для обозначения человека, истратившегося конем и доспехом. Ирония А. В. Быкова — «*как можно подрастратиться конем и доспехом*»¹¹⁵ — не вполне уместна. Доспехи на мягкой основе вроде тех, которые москвичи **жгли** в Коростыни, могли износиться и отсыреть. А боевой конь рядового новгородца вряд ли чем-то сильно отличался от обычной крестьянской лошади, то есть по определению уступал привычным к походной и военной жизни коням профессионального служилого войска. И в этой связи активное участие в бою с профессиональной служилой московской конницей относительно хорошо вооруженных и экипированных конных новгородских бояр имело большое значение. Тем более что владычная «*коневая рать*» по сравнению с другими новгородскими ополченцами сама представляла собой профессиональное конное войско, и уже на этом основании те могли очень надеяться на ее активную помощь. Как уже было сказано, количественную основу новгородского общества (и, соответственно, ополчения) составляли не знатные богатые люди, а как раз те самые молодые люди. Особенно это относится к судовой рати в Коростыни, поскольку в новгородские судовые рати за исключением бояр-воевод, как правило, шли люди незнатные. Но нужен ли был профессиональным служилым людям низкокачественный доспех простого ополченца? Даже если Холмский в Коростыни на берегу озера устроил торжественное уничтожение вещей презренных нехристей, московский летописец не очень погрешил против истины: москвичи вполне были своими доспехами довольны, незачем им было брать доспехи городских низов. Таким образом, при рассмотрении двух сюжетов новгородско-московской войны 1471 г., связанных с упоминанием новгородских доспехов, можно прийти к выводу, что у нас нет оснований утверждать, что новгородские доспехи были по сравнению с московскими устаревшими или принадлежали к другому типу, для москвичей неприемлемому. Но в то же время не надо думать, что доспехи большинства новгородских ополченцев реально могли представлять для москвичей какую-то ценность, они не годились для московских профессиональных воинов по причине своей

недоброкачественности. Более того, «*молодой человек*» в том же Новгороде стал нарицательной характеристикой бойца с некачественными доспехами и боевым конем не в лучшей форме. (Кстати, содержание коней у рядовых новгородцев тоже должно было оставаться на относительно низком уровне. Ведь конь требует зерна помимо подножного корма, а много ли мог увезти на своем коне рядовой новгородец? Послужильца, способного вести вьючного коня, у него не было, даже у видных бояр их было малое число, например, у воеводы В. А. Казимира, был всего один послужилец¹¹⁶. Конечно, за 70 км от Новгорода до места Шелонской битвы кони «*молодых людей*» не могли заметно оголодать, но в целом их лошади даже по этим показателям вполне могли, с точки зрения новгородского хрониста, считаться воплощением полной непригодности.) Понятно, что войско, основу которого составляли именно такие ратники, при сражении с профессиональными служилыми воинами Московского княжества очень нуждалось в том, чтобы инициативу на себя взял владычный полк, состоявший из представителей новгородского боярства и представлявший собой относительно хорошо экипированный и обученный отряд, можно сказать, первое профессиональное воинское формирование в Новгородской вечевой аристократической республике.

Ссылки

¹ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 594–612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

² Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 79–80 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

³ Рабинович М. Г. Вооружение новгородского войска // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. — М., — 1946. — № 5. — С. 552; Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская Археология. — 1959. — № 2. — С. 133–134; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. — Л., 1976. — С. 35.

⁴ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 82.

⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 223; ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 126.

⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 183.

⁷ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 605.

⁸ Там же. — С. 610.

⁹ Там же. — С. 594.

¹⁰ Там же. — С. 610.

¹¹ Там же. — С. 608–610.

¹² Там же. — С. 608–609.

¹³ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 206; ПСРЛ. — М.; Л. 1962. — Т. 26. — С. 114.

¹⁴ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 194.

¹⁵ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. — Л., 1991. — С. 65–66.

¹⁶ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 206; ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 26. — С. 114.

¹⁷ Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера... — С. 599, 611 — Прим. № 10.

¹⁸ См. напр.: Несин М.А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 247–309. <http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8> (08.06.2016).

¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 31.

²⁰ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 184.

²¹ Там же. — С. 189.

²² ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 147.

²³ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т. 12. — С. 61; ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 155; ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 196; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. № 2. — С. 127.

²⁴ Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера... — С. 600.

²⁵ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 106–112. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

²⁶ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III — СПб., 2009. — С. 119.

²⁷ Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464–482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

²⁸ Комаров О. В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально — политических институтов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 376. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

²⁹ Ледовое побоище 1242 года: труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. — М.; Л., 1966. — С. 210–211.

³⁰ Там же. — С. 212–213.

³¹ Там же.

³² Воинские повести Древней Руси. — Л., 1985. — С. 150.

³³ Там же. — С. 155.

³⁴ Там же. — С. 186.

³⁵ Бобров Л. А., Кушкumbaев А. К. Тактические приемы монголов XIII в. и их эволюция в военном искусстве народов Великой степи XIV–XIX вв. — Новосибирск, 2016.

³⁶ Кирпичников А. Н. Военное дело... — С. 17–18.

³⁷ См. напр: Пенской В. В. От лука к мушкету: вооруженные силы Российского Государства во 2-й половине XV–XVII вв.: проблемы развития. — Белогород, 2008. — С. 23. Прим. № 16.

³⁸ В отличие от летописных памятников XV в. Никоновская летопись помещает это событие под 6952 (1443/1444 г.), историки к ее версии иногда относятся с доверием. Вместе с тем, согласно повести о Мустафе, дошедшей до нас в Никоновской летописи, во время боя с ним в Рязанской земле была очень холодная и суровая зима. (ПСРА. — СПб., 1901. — Т. 12. — С. 62). В источниках XV в. о такой погоде в тот год на Руси и в Восточной Европе ничего не сообщается. А вот зима в 1442/43 г., согласно памятникам Русского летописания, в средней полосе России была студеная, в том году подорожало сено. (ПСРА. — СПб., 1883. — Т. 15. — Стб. 492.; ПСРА. — СПб., 1851. — Т. 5. — С. 267.; ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 151).

³⁹ ПСРА. — СПб., 1901. — Т. 12. — С. 62.

⁴⁰ По мнению Я. С. Лурье, Ф. В. Басенок был связан с хронистом. (Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века // Труды отдела древнерусской литературы. — Л., 1955. — Т. 11. — С. 161–163.) Более того, летописец как бы передает личные впечатления воеводы о некоторых событиях, в которых тому доводилось участвовать,

в том числе и о сражении на Листвянке. (Несин М. А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 97–98. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

⁴¹ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 155.

⁴² ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 206; ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 26. — С. 114.

⁴³ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 194; ПСРЛ. — М.; Л., — 1959. — Т. 26. — С. 215; ПСРЛ — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 119.

⁴⁴ Селиверстов Д. А. Русский Азенкур // Воин. — 2008. — № 6. — С. 8–20; Комаров О. В. От «вольных слуг»... — С. 370.

⁴⁵ Комаров О. В. От «вольных слуг»... — С. 370.

⁴⁶ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 194.

⁴⁷ ПСРЛ. — М.; Л., — 1959. — Т. 26. — С. 215; ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 119.

⁴⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 189.

⁴⁹ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 182.

Ныне А. М. Иванов скептически отнесся к сведениям Псковской III летописи о том, что москвичи, перед тем как напасть на новгородцев, бросились в р. Дрянь. По его мнению, это похоже на позднейшую вставку или ошибку в относительно позднем источнике. Исследователь справедливо отметил, что сообщение летописца кажется несколько противоречивым: только что оба войска двигались по разным сторонам р. Шелонь, а потом москвичи бросились в р. Дрянь, переправились в брод через нее же, но при этом почему — то сразу оказались на другой стороне р. Шелонь, где и начался бой. Ему кажется предпочтительной версия Псковской II летописи, где никакой р. Дрянь нет, а фигурирует лишь Шелонь. (Иванов А. М. Поиски места Шелонской битвы (2008–2012 годы) // Новгород и Новгородская Земля: история и археология: материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина. Великий Новгород, 28–30 января, 2014 г. — В. Новгород, 2014. — Вып. № 28. — С. 323.) Вместе с тем псковские летописания никогда не давали никаким новгородским и другим иноземным топонимам нарочито уничижительных прозвищ. Надо думать, что какая-то речка с подобным названием действительно была в Новгородской области. Кажущаяся нелогичность рассказа Псковской III

летописи легко объясняется следующим обстоятельством. Если исходить из наиболее вероятной версии, что р. Дрянь — это ручей Тополевик в нын. деревне Скирино, то стоит учесть, что этот ручей впадает в Шелонь под углом. И, стоя лагерем напротив его устья, московские воеводы могли подумать, что если переправиться через Шелонь прямо к новгородскому лагерю, то можно на конях утонуть, так как против устья притоков речное дно всегда несколько углубляется. А так как в тех местах не было брода, и некоторые москвичи на переправе через Шелонь и без того «опловоша», то эта предосторожность была отнюдь не лишней. И они пошли несколько обходным путем: сперва переправились на конях через Шелонь, а потом — через р. Дрянь. Другое дело, что такой способ переправы был тоже не лишен своих недостатков: московские воины оказывались под обстрелом у новгородцев — как те, кто пересекал Тополевик, так и те, кто еще только перебирался через Шелонь. Последних новгородским ополченцам и вовсе было удобно обстреливать сбоку. В этой связи не является удивительным, что крик, связанный с переправой через р. Дрянь, мог запомниться современникам даже больше, чем просто само по себе форсирование Шелони.

⁵⁰ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

⁵¹ Барбаро и Контарини о России. — М., 1971. — С. 226.

⁵² Зимин А. А. Россия на рубеже XV — XVI столетий (очерки социально-политической истории). — М., 1982. — С. 235; Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 128–129.

⁵³ ПСРА. — СПб., 1863. — Т. 6. — С. 211.

⁵⁴ Комаров О. В. От «вольных слуг»... — С. 377.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. — С. 384.

⁵⁷ Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР) — М.; Л., 1963. — № 5. — С. 65.

⁵⁸ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 86.

⁵⁹ Там же. — С. 88.

⁶⁰ Там же. — С. 80.

⁶¹ Там же.

⁶² Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера.... — С. 596–598

⁶³ Комаров О. В. От «вольных слуг»... — С. 370.

⁶⁴ ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 237.

⁶⁵ ПРСЛ. — СПб., 1910. — Т. 20. — Ч. 1. — С. 282.

⁶⁶ ПРСЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 238; ПРСЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 134.

В окончании Кирилло-Белозерского списка Ермолинской летописи, доведенном до 1533 г. включительно, тоже сказано, что Холмский пришел на брод. (ПРСЛ. — СПб., 1910. — С. 191). Но это, по-видимому, является позднейшей вставкой. В списках XV в. никаких сведений о броде нет. (Там же. — С. 159). Да и в летописании того столетия, кстати, тоже, поэтому доверять этому ненадежному упоминанию о броде на р. Шелонь на месте переправы московских войск, а тем более строить на его основании гипотезы о месте Шелонской битвы едва ли продуктивно. (Иванов А. М. Поиски места Шелонской битвы... — С. 325–326).

⁶⁷ ПРСЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 191.

⁶⁸ Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 298–299 <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

⁶⁹ ПРСЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Несин М. А. Новгородские житыи люди... — С. 265–266.

⁷² ПРСЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 150; ПРСЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 196; Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 1. — С. 45; Там же — Вып. № 2. — С. 37, 144; ПРСЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 108, 558; ПРСЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 221.

⁷³ ПРСЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 196.

⁷⁴ ПРСЛ. — М.; Л., 1956. — Т. 26. — С. 237.

⁷⁵ ПРСЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 506.

⁷⁶ ПРСЛ. — М.; Л., 1956. — Т. 26. — С. 236; ПРСЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 132.

⁷⁷ Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. — К., 1990. — С. 588–590.

⁷⁸ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 182.

⁷⁹ ПСРЛ. — М.; Л., 1956. — Т. 26. — С. 236; ПСРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 132.

⁸⁰ Филюшкин А. И. Василий III. — М., 2010. — С. 21.

⁸¹ Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В. В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 149. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

⁸² ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 194.

⁸³ Несин М. А. Из истории логистики русских войск... — С. 148.

⁸⁴ Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... — С. 311–315. Об участии владычной рати в некоторых боях, их службе на владычном дворе, и сопровождении архимандрита в поездке на Двину в роли охраны смотри: Быков А. В. Новгородской войско в XI–XV вв. — В. Новгород, 2006. — С. 88.

Кузьмина О. В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 111. Правда, данные исследователи фактически не изучали упоминаний элитной владычной рати и ее участника боярина Еремея Сухощока в известиях о Шелонской битве, поэтому высказали гипотезы о ее полнотой простонародном или преимущественно небоярском составе, что не находит никаких подтверждений в источниках.

⁸⁵ Несин М. А. Новгородские житыи люди... — С. 270–271, 277.

⁸⁶ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 598.

⁸⁷ Несин М. А. Сражение под Русой... — С. 104.

⁸⁸ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 195.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. — Стб. 194.

⁹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 77. — С. 130.

⁹² Несин М. А. Купечество вечевго Новгорода XII — XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — Великий Новгород, 2012. — Вып. 11. — С. 182.

⁹³ Благодарю за данную информацию члена реконструкторского клуба «Союзники» А. М. Молочникова.

⁹⁴ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

⁹⁵ Памятники Литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 404–405.

⁹⁶ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 601.

⁹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря Древне-Русского языка по письменным памятникам. — СПб., 1893. — Т. 2. — Стб. 1597–1598.

⁹⁸ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 600–601.

⁹⁹ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

¹⁰⁰ О владычном полку на Шелони см: Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... — С. 312–314. Куда именно и когда не поспела на «пособие» пешей рати оная владычная конница, историки не пришли к единому выводу (Карамзин М. Н. История государства Российского. — М., 2003. — С. 466.; Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С. 12.; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 119). Несколько туманное изложение новгородского летописания позволяет отнести это как к сухопутному походу на Шелонь, так и к походу второй новгородской рати под Русу. (Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... — С. 313).

¹⁰¹ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446–447.

¹⁰² Памятники Литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 405.

¹⁰³ Несин М. А. Шелонская битва... — С. 478–479. О пределе Св. Акилы писал и Ю. Г. Алексеев. (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 122).

¹⁰⁴ ПСРА. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 238; ПСРА. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

¹⁰⁵ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 600–601.

¹⁰⁶ Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... — С. 323–324. — Прим. № 89.

¹⁰⁷ См. напр: Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С. 12; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 119; Лукин П. В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 335.

¹⁰⁸ Карамзин М. Н. История государства Российского. — М., 2003. — С. 466.

¹⁰⁹ Несин М. А. Новгород 1470-х гг.: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика. 2010. — В. Новгород, 2011. — Ч. 1. — С. 216; Несин М. А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 167. — Прим. № . 143. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

¹¹⁰ Памятники Литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 405.

¹¹¹ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 81.

¹¹² Памятники Литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 405.

¹¹³ Балашов Д. Марфа-посадница [Электронный ресурс] <http://www.ngebooks.com/book_2815_chapter_34_Glava_16.html>.

¹¹⁴ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 80.

¹¹⁵ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 601.

¹¹⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961. — С. 328–329; Несин М. А. Из истории логистики русских войск... — С. 142.